

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИКЕ ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОЙ ГРОБНИЦЫ (Или рефлексии по поводу занятий египтологией)¹

Мир древнеегипетской гробницы или, точнее, окружение ее хозяина, земной микрокосмос, создающийся для его инобытия, – важнейшая составляющая древнеегипетского мировоззрения. От понимания ее семантики в целом, равно как и отдельных ее единиц зависит позиция исследователя в оценке характера развития древнеегипетского общества и степени развития религиозного сознания.

Древнеегипетская культура, как, пожалуй, никакая иная из древних цивилизаций, дает сочетание вербального и невербального ряда, которые составляют единый текст культуры. Позиция автора данной статьи диаметрально противоположна пониманию А.О. Большаковым текста и изображения. Речь идет о предложенных им двух языках культуры, которые хотя и сосуществуют, но сферы их применения ни в коем случае не совпадают². Взгляд автора настоящей статьи базируется на понимании культуры, развившей письменность, как совокупности информации и как памяти коллектива³, как единого текста для каждой эпохи, две составляющих которого – письмо и изображение – следует рассматривать даже не просто в единстве, а в функциональной взаимосвязи, и в рамках отдельной единицы, и всей культуры в целом. Понятие *изображение* подразумевает не только статуи и рельефы, но и архитектурный ансамбль, отдельные единицы которого имели свою функциональную нагрузку.

При решении каждой конкретной проблемы возникает вопрос: в какой мере сочетаются – дополняют или существуют независимо эти две составляющие как всей культуры в целом, так и тех ее частей, где обе они присутствуют. При отсутствии одного из них эта проблема не возникает, а само изображение читается как текст (что действительно для любой культуры), при их наличии возникает проблема реконструкции единой структурной композиции (или заложенной текстовой программы) с целью выявления семантики исследуемой единицы культуры и ее роли в целостной системе.

В отношении древнеегипетской гробницы эпохи Древнего царства, а именно о ней и пойдет речь в данной статье, мысль А.О. Большакова о разделении языков (изображений для человека (мира Ка) и текстов для мира богов)⁴, на взгляд автора данной статьи, выводит древнеегипетское мировоззрение за пределы мифологического, оставляя при этом без комментария целый пласт источников, не укладывающихся в данную схему.

Прежде всего, о самой идее разделения мира богов и мира Ка, один из которых только изображается, другой только описывается, которая практически в

¹ Подзаголовок этой статьи вызван появлением рецензии: *Большаков А.О. «Одинокий остов гробницы» или как не нужно заниматься египтологией // ВДИ. 2004. № 4. С. 207–212.*

² См. *он же. Изображение и текст: два языка древнеегипетской культуры // ВДИ. 2003. № 4. С. 4.*

³ Материалы к словарю терминов Тартуско-московской семиотической школы. Тартуская библиотека семиотики 2. Тарту, 1999. С. 120–124.

⁴ *Большаков. Изображение и текст... С. 8.*

точности повторяет мысль, высказанную О.Д. Берлевым, о существовании двух миров. У О.Д. Берлева она звучит следующим образом: «*Миры мертвого тела и образа* (перевод с английского и курсив мой. – Э.К.) сильно отличаются друг от друга первый – воображаемый, второй – абсолютно реальный, отражающий человеческую жизнь. Это различие предопределило способы, которыми эти миры создавались для каждого индивида в его или ее гробнице; мир трупа только описывался в серии текстов, обычно называемых изречениями, в то время как Ка только изображался. Вот почему первоначально сцены на стенах гробниц или стел не содержат ничего, что было бы близко трансцендентному и очень мало касающегося религии»⁵.

Эта идея о двух мирах была заимствована А.О. Большаковым без указания на первоисточник и перефразирована следующим образом: «Поскольку два языка египетской культуры есть суть творения двух качественно различных миров, *мира Ка и мира богов*, сферы их применения различны в той же мере, что и сами миры. Все относящееся к миру, где живут люди, описывается, воспроизводится, творится при помощи изображений, но не текстов. Все фантастическое, связанное с нечеловеческим миром богов, творится только посредством текстов и не может быть изображено»⁶.

Итак, «мир трупа, описанный в серии текстов», выделенный О.Д. Берлевым, превратился у А.О. Большакова в «мир богов, описываемых только текстами». Тезис о том, что любое изображение бога и самой сферы божественного в любой культуре фантастично и никогда никем не было видно, вряд ли достоин повторения⁷, однако, разве не характер и особенности этой фантазии определяют внешний облик важнейшей составляющей всякой культуры – религиозного мировоззрения?

В этой связи представляется уместным напомнить характеристику Б.А. Успенского и Ю.М. Лотмана, понимавших миф как феномен сознания и в этой связи заметивших, что мифологическое описание монолингвистично, предметы этого мира описываются через такой же мир, построенный таким же образом⁸.

Здесь мы подходим к ключевой позиции соотношения реалистичности и символизма изображений гробницы как двух семантических разноуровневых полей описания, заключающихся в одном и том же образе⁹. Реалистическое изображение, или изображение повседневного (виденного) сюжета, показанного в определенном контексте (например, культовое помещение гробницы) имеет в то же время символическое значение.

Данное определение исключительно точно соответствует миру, показанному на рельефах нецарских гробниц эпохи Древнего царства. Не оспаривая вопроса о том, что изображения реальных сцен жизни египтянина доминируют на рельефах каждого культового помещения гробницы, нельзя исключить два

⁵ *Hodjasch S., Berlev O. The Egyptian Reliefs and Stelae in the Pushkin Museum of Fine Arts, Moscow, Leningrad, 1982. С. 14.* Эта мысль была специально выделена А.О. Большаковым в его рецензии на эту книгу (см. ВДИ. 1986. № 1. С. 159–162), однако спустя 17 лет дана не только без ссылки, но и без упоминания О.Д. Берлева.

⁶ *Большаков. Изображение и текст... С. 8.*

⁷ Фраза А.О. Большакова о том, что «мир богов может быть только воображен, но не увиден и соответственно изображен» выглядит попыткой ворваться в открытую дверь.

⁸ *Успенский Б.А., Лотман Ю.М. Миф – имя – культура // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Таллинн, 1992. С. 58–59.*

⁹ См., например: *Altenmüller H. Der Konvoi der Sonnenschiffe in den Pyramidentexten // SAK. 2004. 32. S. 11.*

важнейшие компонента, которые практически нивелируются Большаковым настолько, что полностью уходят в тень, и для него не играют никакой роли в гробнице. Речь идет о лапидарных или более пространных текстах, тесно связанных с соответствующим изображением. Они являются либо подписями к изображаемому сценам (в этих случаях реализм часто доминирует), либо присутствуют только имя собственное, либо имя и более пространные титулы. Именно это название «в его предельной абстракции сводится к мифу»¹⁰ (на уровне мифологического сознания).

Создавая свою концепцию, А.О. Большаков не уделяет должного внимания ряду источников. Прежде всего следует указать на формулу подношений (*ḥtp djw njswt*, *ḥtp djw n f njswt*, *ḥtp [r]djw njswt*, *ḥtp djw jn njswt*), являющуюся ключом всей изобразительной программы культового помещения¹¹. Именно она приводит в действие изображенное, являясь, как отметил О.Д. Берлев, средством для умершего и его изображения слышать и воспринимать все изображенное перед ним так, как если бы он это видел¹².

Обратимся теперь к самой формуле, или тем жизненно важным подношениям умершему, которые делает царь Анубису (или Осирису) или оба делают их вместе¹³ с тем, чтобы соответственно тот или другой совершил нужное благодеяние для Ка. Эта ключевая формула древнеегипетской гробницы, предполагающая равноправные отношения между царем и богом, действующими одновременно в пользу Ка, является мостом между божественным миром и миром обитателя гробницы. Присутствие и царского, и божественного как главного фактора совершения изображенных на стенах культового помещения действий сомнений не вызывает.

Формула подношений, таким образом, является связующим звеном в системе, замыкающим ее и дающим ключ к ее семантике. Ее можно считать тем особым языком гробничного комплекса, который не требовал изображения, где название было достаточным, чтобы привести в действие остальные элементы изобразительного и письменного комплекса гробницы.

В этой связи уместно поставить вопрос: а нужны ли были изображения богов и их окружения в древнеегипетской гробнице? Представляется, что сознание египтянина, предполагающего необходимость присутствия божественной воли во всем, что его окружало, воспринимало это как некую раз и навсегда существующую данность и на определенном этапе не считало необходимым что-то изображать или пространно описывать. Придерживаясь тезиса о том, что сознание египтянина, как и всех стадияльно близких ему народов, было мифологическим, следует заметить, что для восприятия гробничного культа как единицы культуры характерно, по определению Ю.М. Лотмана, «...замкнуто-циклическое отношение ко времени... Универсальным законом такого мира является подобие всего всему, основное организующее структурное отношение – отношение гомеоморфизма»¹⁴.

Для египтян существовала как универсальная система богов, создавших мир и самих когда-то бывших на земле, так и их легитимный правитель, который

¹⁰ Успенский, Лотман. Ук. соч. С. 58.

¹¹ Грамматический анализ фразы, варианты чтения, транслитерации и трактовки формулы см. Lapp G. Die Opferformel des Alten Reiches. Mainz, 1986. S. 36–38.

¹² Hodjash, Berlev. Op. cit. С. 14.

¹³ Lapp. Op. cit. S. 37–38.

¹⁴ Лотман Ю.М. Феномен культуры // Лотман. Избранные статьи. С. 36.

также в их сознании был богом, или, по крайней мере, максимально приближен к богам. Они действуют перманентно, приближаясь к объекту культа путем инвокационных взываний. И второе, пожалуй, главное: собственно культом был сам Ка, а вся система – изложением мифа о вечном возвращении. И если перевод мифа сознания в словесно-линейный язык фиксируется позднее, чем сам миф сознания, это лишь доказательство типологической общности древнеегипетского мировоззрения при всех удивительных частностях, которые представляет материал этой культуры.

Тезис о том, что гробничный культ начинался с момента завершения декоративного оформления культового помещения гробницы, обоснованный О.Д. Берлевым и заимствованный без ссылки А.О. Большаковым¹⁵, так же как и любой другой культ, предполагает осознание присутствия некоего сверхъестественного начала, приводящего в движение или дающего жизнь всему изображенному. Необходимы действия, осуществляемые неким высшим существом, присутствие которого столь аксиоматично, что не требует разъяснений. Божественное никак нельзя оторвать от реализма изображений, ибо последние без него останутся просто картинкой.

Независимо от факта существования гробничного культа уже при жизни будущего хозяина гробницы невозможно уйти от вопроса о прямом назначении постройки, а именно, дома не для его земной жизни (пусть даже на время между завершением постройки и физической смертью владельца), а для его жизни после смерти тела. Иными словами, речь идет о создании микромира Ка (существующего на земле, но являющегося в то же время земным аналогом неведомого макрокосмоса), ибо в конечном счете сознательно или подсознательно сработывала идея единства человека (и соответственно всех его субстанций) со вселенной как важнейшая часть мифологизированного сознания, «как осознание некоей ситуации в Космосе»¹⁶. Собственно само создание гробницы преследовало цель организации жизни после смерти, а факт существования прижизненного культа Ка был связан с его одушевленным восприятием с момента завершения образа и зависел от срока жизни человека, а также скорости сооружения гробницы сообразно заданной программе.

Для понимания семантики древнеегипетской гробницы в свете поставленных выше проблем ряд положений нуждаются в развернутом комментарии. В частности, все ли сцены репертуара гробницы Древнего царства только лишь реалистичны, присутствует или отсутствует в гробничных росписях символизм изображений. А.О. Большаков, например, называет символическое истолкование

¹⁵ Данный вывод был четко сформулирован О.Д. Берлевым в 1982 г.: «Интересно отметить, – писал он, – что оба мира начинают функционировать сразу же после их создания и не зависят от состояния человека, для которого они были сделаны (мертвого или живого), ни (если умершего) от состояния сохранности его тела (мумия, скелет, полное разрушение), ни, наконец, от места, где изображения или тексты должны были быть найдены (гробница, храм, пустыня, современные музеи, груда мусора, заброшенная свалка)» (*Hodjash, Berlev. Op. cit. P. 15.* Перевод с английского мой. – Э.К.). Эта же мысль дважды повторена А.О. Большаковым без ссылки на О.Д. Берлева в следующих словах: «...культ в гробнице начинался с момента завершения изображений. Смерть владельца в этом культе ничего не меняла, – раз начавшись, он продолжался в том же виде до тех пор, пока было возможно его материальное обеспечение, а теоретически вечно» (*Большаков А.О. Человек и его Двойник в египетском мировоззрении Старого царства: Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. СПб., 1997. С. 28, см. также: он же. Человек и его Двойник. СПб., 2001. С. 140).*

¹⁶ *Элиаде М. Миф о вечном возвращении. М., 2000. С. 25.*

гробничных изображений модой, и утверждает, что в гробнице нет ни одной сцены (подчеркнуто мной. – Э.К.) которая давала бы возможность такой интерпретации¹⁷. Слово «мода», похоже, заменяет А.О. Большакову необходимость полемики с придерживающимися иной точки зрения исследователями. Речь не может идти о моде, следует говорить о направлениях и методике исследования одной из ключевых проблем понимания гробницы.

Прежде всего, автору следовало бы уяснить собственную позицию, ибо буквально через страницу того же издания¹⁸ он пишет прямо противоположное, признавая наличие символизма в сценах заклания быка. Проблема символизма в сценах заклания жертвенных животных – весьма частом эпизоде изобразительной программы культового помещения древнеегипетской гробницы – достаточно сложна. До сих пор нельзя дать однозначного ответа по поводу значения сцен отрезания ноги не убитого еще быка¹⁹. Вместе с тем в свете дискутировавшейся в египтологической литературе проблемы оценки места и роли данных сцен акцент на живучесть ноги, замеченной египтянами в процессе разделки туши²⁰, представляется странным.

Экспрессия сцен, а также соответствующие подписи, демонстрирующие необходимость быстроты действия, связаны, вне сомнения, со сложностью самой процедуры, требующей навыка, физической силы и ловкости исполнителей, убивающих сильное животное, – забойщиков скота.

Г. Юнкер первым сосредоточил внимание на том, что бык, которому отрезают ногу, еще жив. Он отметил наличие помощников резника, которые держат голову быка, и указал на особый способ заклания жертвенного животного²¹. Г. Юнкер привел также типологический пример обычая в Южной Эфиопии – отрезание частей живого быка перед началом свадьбы.

Ясно, что речь идет о жертвенном животном, которое должно было быть убито таким образом, а также об использовании мяса остальной части туши. Соответственно именно способ заклания базировался на представлении о том, что действовать следует именно данным способом, а не порождает из реальности новые идеи для будущего мифа. Утверждая, что «существование мифологии в Старом царстве сомнительно», А.О. Большаков буквально в следующей фразе пишет: «Почему речь идет о передней ноге, вопрос уже совершенно иной (интересно, какой? – Э.К.), но ведь мы никогда не можем дотянуться до первоосновы мифа»²². Так все же был миф или нет?

Исследование сцен заклания быка, которое провел А. Эггебрехт и посвятил этому свою диссертацию, привело его к выводу о существовании ритуала, связанного с особым жертвенным способом умерщвления быков, прослеженного им в развитии. Начальный этап таких сцен А. Эггебрехт видел в гробницах

¹⁷ Большаков. Изображение и текст... С. 4–5.

¹⁸ Там же. С. 7.

¹⁹ Поразительно, что А.О. Большаков в пылу увлечения реализмом в изображении заклания животного даже не удосужился обратиться к истории исследования данного вопроса, апеллируя в данном случае к мнению Гордона и Швабе о «живом мясе» или способности мышц отрезанной ноги сокращаться еще два часа, что, по его мнению, уместно в ритуале (Большаков. Изображение и текст... С. 7).

²⁰ Там же. С. 8.

²¹ Junker. Giza III, 229–331; см. также Eggebrecht A. Schlachtungsbrauche im Alten Ägypten und ihre Wiedergabe im Flachbild bis zum Ende des Mittleren Reiches. München, 1973; Brovarski E. The Senedjemib Complex. Pt I, II. Boston, 2001. P. 48.

²² Большаков. Изображение и текст... С. 7–8. Прим. 33.

Нефермаат и Итет в Иераконполе, придавая им особое значение в развитии репертуара такого рода сцен, которые мы видим в Гизе²³. Анализ материала как додинастического, так и поздних письменных текстов дает многочисленные параллели ритуала жертвоприношения быка. Большое количество останков передних ног особой крупного рогатого скота встречается в могилах додинастического времени²⁴. Это заставляет более внимательно относиться к фиксации этого достаточно древнего ритуала в изображениях гробниц Древнего царства, который, возможно, уже приобрел мифологизированную форму, отложившуюся в сознании.

Закономерен также вопрос об оценке данного действия, которое не было адекватно обычному способу забивания скота. Как отметил А. Эггебрехт, жертвенное заклание животных через отсечение головы было характерно для более поздних периодов²⁵. Символизм в данном случае видится и в сценах принесения огромной отрезанной (но не разделанной) ноги быка, которая едва помещается в руках жреца. В таком виде она предполагает дальнейшую обработку и выпадает из ряда других видов приготовленной пищи – разделанной рыбы или гуся с отрезанной головой, равно как и кусков мяса на косточке в жертвенном меню. В данном случае реализуются очень древние представления мифологического сознания о необходимости смерти для воскрешения, расчленения и поедания частей целого для возрождения²⁶.

В этой связи следует заметить, что жертвоприношение быков, которых убивают отсечением передней ноги, – наиболее частый эпизод в гробницах, однако существуют и изображения антилопы, предназначенной для заклания именно этим способом. И в том, и в другом случаях изымается также сердце животных²⁷.

Не странным ли кажется тот факт, что оба эти животные фигурируют в мифах, позднее фиксированных в виде текста, т.е. тогда, когда мифологическое сознание уже было переведено на словесно-линейный язык²⁸. И разве не логично было бы видеть здесь движение мифологического сознания, имеющего очень древнюю (по сравнению с исследуемым периодом) форму, которая в конечном счете явилась в виде записанного текста? Как представляется, нет повода для лишения мифологического сознания египтянина его исконной основы и перенесении акцента на способность или неспособность отрезанной ноги сгибаться, что предлагает А.О. Большаков²⁹.

Обратимся также к другому эпизоду репертуара древнеегипетских гробниц – сценам с гиенами. Откормленная гиена показана на рельефе западной стены культового помещения гробницы Хафраанха, в верхнем регистре изображений над головой статуи хозяина. Центральной фигурой композиции этой части западной стены является огромная рельефная фигура хозяина гробницы, занимающая всю поверхность южной секции стены до ниши, в которой располагалась статуя. Ниша и изобразительное поле западной стены над ней, состо-

²³ Eggebrecht. Op. cit. S. 54–55, 166–189.

²⁴ См. Шеркова Т.А. Рождение Ока Хора. Египет на пути к раннему государству. М., 2004. С. 289.

²⁵ Eggebrecht. Op. cit. S. 47–52. Широко распространенное в долине Нила, как и у многих других народов, явление букрании свидетельствует о том, что голова быка считалась одним из важных жертвенных символов, которые должны были опираться на соответствующее представление.

²⁶ Лотман. Феномен культуры... С. 36–37.

²⁷ Перепелкин Ю.Я. Хозяйство староегипетских вельмож. М., 1988. С. 175–176.

²⁸ Лотман. Феномен культуры. С. 37.

²⁹ Большаков. Изображение и текст... С. 7–8.

ящее из двух регистров рельефов, в свою очередь, плавно переходили в дворцовые фасады, являющиеся естественным ее продолжением в направлении юг – север³⁰.

К хозяину и идет погонщик гиены, показанный в верхнем регистре. Сцена сопровождается подписью, содержащей имя погонщика и наименование сцены. Сцены откармливания и приведения гиен известны в гробницах чиновников высокого ранга³¹. Охота на гиен была привилегией фараона, для хозяйств вельмож гиен специально отлавливали и затем насильно раскармливали в неволе³². Однако неизвестны сцены заклания гиены или надежная идентификация ее мяса как предмета жертвенного меню. Анализ обычая, который существует в современном Египте, показывает, что поедание сердца гиены связывается с обретением храбрости³³.

Суммируя сказанное и обратившись к семантике описанных выше сцен, сюжеты с передней ногой быка, как представляется, можно отнести к прообразу эпизода, связанного с ногой, которой Сет убил Осириса. В случае с гиеной – обретение иных свойств (храбрости, изворотливости и т.д.), которые порождались соответствующими ассоциациями и реализовывались с помощью симпатической магии через поглощение того куска от целого, который обладает скрытыми свойствами, раскрывающимися именно в мифологическом сознании.

Продолжая анализ символических сцен репертуара древнеегипетской гробницы, следует выделить сцены плавания корабельных флотилий. Данные сцены являются инновацией Гизы. И. Харпур достаточно точно определила их как *the overt symbolism*, полагая, что они восходят к царским сценам путешествия на Запад³⁴ или к священным городам западной части Дельты Нила. Их расположение над входом в культовое помещение ряда крупных мастаб Гизы³⁵ в общем композиционном построении служит введением к остальной изобразительной программе культового помещения гробницы. В этом плане весьма показательна сцена плавания с сопровождающей надписью из гробницы Ахетхотепа, где пря-

³⁰ Именно так задумал и осуществил композицию западной стены культового помещения гробницы Хафраанха древнеегипетский мастер около 4.5 тысяч лет тому назад. Выбор и осуществление данного декора диктовалось размером полученной для сооружения гробницы площади и выбором ее L-образной формы. В гробнице Хафраанха вход был сделан на крайнем севере (как это часто случается в подобных сооружениях), поэтому основная изобразительная программа размещалась на прямоугольной площади, иными словами, все смысловые сцены композиции приходились на длинную (прямоугольную) часть буквы L.

³¹ Duell P. The mastaba of Merenka. Pt II. Chicago, 1983. Pl. 153; Junker. Giza VI. 66. Anm. 2. Abb. 16; Савельева Т.Н. Как жили египтяне во времена строительства пирамид. М., 1971. С. 57–58; Roth A.M. A cemetery of palace Attendants. Boston, 1995. P. 168. Pl. 59b. № 2091; 100 (гробница Капи).

³² См. Salima Ikram. The Iconography of the Hyene in Ancient Egyptian Art // MDAIK. 2001. 57. P. 130.

³³ Ibid.

³⁴ Harpur Y. Decoration in Egyptian Tombs of the Old Kingdom: Studies in Orientation and Scene Content. L.-N.Y., 1987. P. 83; Kees H. Totenglauben und Jenseitsvorstellungen der alten Ägypten. В., 1977. S. 108–113. Фрагменты плывущих кораблей, изображенные на царских блоках, найденных в Лиште, Х. Гедике датирует временем ранее IV династии (Gedicke H. Reused blocks from the pyramids of Amenemhet I at Lisht. N.Y., 1971. P. 86–118).

³⁵ Junker. Giza II. 66; Abb. 22; idem. Giza III. Abb. 27. Taf. III–IV; idem. Giza V. 36; Brovarski. Op. cit. P. 45. Pl. 39; Duell. Op. cit. T. 2. Pl. 141–144; Ziegler Ch. Le mastaba d'Akhetetep. Une chapelle funéraire de l'ancien Empire. P., 1993. Pl. 38, 40, 43; Moussa A.M., Altenmüller H. The tomb of Nefer and Kahay. Old Kingdom tombs at the Causeway of King Unas at Saqqara. Mainz, 1971. S. 158. Pl. 16; El-Khouli A, Kanawati N. The Old Kingdom Tombs of El-Hammamiya. Sydney, 1990. Pl. 37.

мо говорится о плавании к полям подношений³⁶. Данная сцена показывает, что подданные рассчитывают получить такие же подношения, как и царь (это была главная цель), за совершенное поклонение священным для египтян местам – Буто, Абидосу, Гелиополу.

В одной из своих статей Х. Альтенмюллер убедительно продемонстрировал связь изображенных в гробницах плывущих кораблей с сопровождением солнечного бога (дневной и ночной ладьи), упомянутого в Текстах Пирамид³⁷, в которых плывет также и умерший³⁸. Важен и еще один аспект, подчеркнутый египтологами, исследовавшими данные сцены. Их семантика была тесно связана с развивающимся солярным культом, яркий всплеск которого приходится на V династию. Мифологическим коррелятом сцен были представления о ночном путешествии Ре по подземным водам. В гробничных сценах, как правило, изображена флотилия, состоящая из нескольких кораблей, во многих случаях нос одного из кораблей декорирован протомой ежа³⁹. В контексте связи данного плавания с путешествием Ре, отраженном в Текстах Пирамид, также представляется интересной идея Х. Альтенмюллера. Он подчеркнул, что еж водружался на нос корабля, плывущего в ночное время, чем объясняется его отсутствие на носу других кораблей флотилии⁴⁰.

Проблема символизма возникает при оценке так называемых «болотных сцен», в частности тех, где около носа ладьи с фигурой хозяина гробницы с занесенным копьём изображены гиппопотамы и крокодилы с разинутой пастью. Х. Альтенмюллер трактует их как триумф хозяина гробницы при его новом рождении⁴¹. Данные сцены имеют прямую аналогию изображениям царских погребальных комплексов V–VI династий.

Еще один пример – магия чисел. Речь идет об изображении стад крупного рогатого скота в культовом помещении гробницы Хафраанха (восточная стена, 5 и 6 регистры). Приведенные здесь цифры количества скота 2235, 835, 220 – никогда не могли быть адекватно изображены на каком-либо обозримом пространстве. Они становились реальностью именно будучи названными, превращаясь в то самое количество, которое обозначено на подписи к рельефу. Соответственно изображенное стадо есть символ того количества особей (и стад), которое надлежит передать умершему.

Парадоксальна также и попытка сведения А.О. Большаковым «культу в человеческой гробнице» к ежедневно приносимым «продуктовым жертвам» или «перечню снеди»⁴². Похоже, что автор просто незнаком с составом жертвенного меню, не говоря уже о предпринимавшихся попытках его мифологического толкования⁴³.

³⁶ Ziegler. Op. cit. P. 66.

³⁷ Mathieu B. La signification du serdab dans la pyramide d'Ounas. Études sur l'Ancien Empire et la nécropole de Saqqâra dédiées à Jean-Philippe Lauer. Montpellier, 1997. P. 296.

³⁸ Altenmüller. Der Konvoi... S. 11–13.

³⁹ Согласно Н. Шерпион, большинство изображений кораблей с протомой ежа относится к IV династии, а самые поздние датированные изображения – ко времени Нисерпе (Cherpion N. Mastabas et Hypogées d'ancien Empire. Problème de la datation. Bruxelles, 1989. P. 78).

⁴⁰ Altenmüller H. Die Nachtfahrt des Grabherrn im Alten Reiches. Zur Frage der Schiffe mit Igelkopfbug // SAK. 2000. 8. S. 2, 25.

⁴¹ Idem. Der Grabherr des Alten Reiches. Études sur l'Ancien Empire et la nécropole de Saqqâra dédiées à Jean-Philippe Lauer. Montpellier, 1997. S. 17.

⁴² Большаков А.О., Суцесковский А.Г. Образ и письменность в восприятии древнего египтянина // ВДИ. 2003. № 1. С. 47.

⁴³ Например, Altenmüller H. Zu Isis und Osiris. Wege öffnen. Festschrift für Rolf Gundlach zum 65. Geburtstag. Wiesbaden, 1996. S. 3-7.

На рельефе южной стены культового помещения гробницы Хафраанха хозяин показан сидящим с женой на скамье перед жертвенным столом, полным соответствующих яств. Сцены принесения и приготовления пищи показаны на остальных регистрах стены. Однако большая голова гуся и голова быка в виде огромных иероглифов вырезаны под скамьей, где сидят Хафраанх и его жена. Это символ огромного количества приносимых жертв, который приобретает знаковый смысл при прочтении теми, кто понимает скрытый смысл изображенного, а также механизм действия, или то, как с помощью сверхъестественной силы они превращаются в нужное количество.

Наряду с поставленными выше проблемами вопрос о тех, кто обеспечивал культ хозяина гробницы, а вместе с ним и остальных обитателей гробницы⁴⁴, немаловажен для понимания структуры древнеегипетского общества и места гробничного культа в общей системе мировоззрения жителя долины Нила. В этом плане гробница Хафраанха дает любопытный материал. Его брат Итети, носивший титул *sn f dt*⁴⁵ и ответственный за организацию службы двойнику Хафраанха⁴⁶, являлся также получателем подношений⁴⁷, на что имел соответствующее право.

Однако вопрос о том, какова была связь Хафраанха с людьми по имени Хери-меру и Ишепет, названными на стеле-панели над третьей ложной дверью культового сооружения гробницы, при том, что на соответствующем барабане оставалось только имя Ишепет, требует соответствующих объяснений. С этой целью

⁴⁴ У А.О. Большакова всякий «служащий хозяина гробницы, надев шкуру пантеры, превращался в жреца» (Большаков, Суцневский. Ук. соч. С. 47. Прим. 9, содержащее ссылку на Бальмонта). Сама же шкура пантеры «гораздо более характерна для условных изображений» (Большаков. Человек и его Двойник. С. 165. Прим. 2). Однако здесь, во-первых, отсутствуют ссылки на работу *Staehelein E. Untersuchungen zur ägyptischen Tracht im Alten Reich // MÄS. 1966. 8*, где роль шкуры пантеры в различные периоды подробно проанализирована. Во-вторых, если шкура пантеры условна, то это противоречит и основному тезису А.О. Большакова об индивидуализации полных фигур, ибо, например, на рельефе входа в гробницу Хафраанха он изображен в виде полного человека в шкуре пантеры. О категориях «слуг двойника», занимающих различное социальное положение, см. *Перепелкин. Ук. соч. С. 89–111*; о жреческих филах, обслуживавших поминальный культ см. *Roth A.M. Egyptian Phyles in the Old Kingdom. The evolution of a system of social organization. Chicago, 1991.*

⁴⁵ Категорическое утверждение о бессмысленности перевода «брат по собственности» (Большаков. «Одинокий остов гробницы»... С. 208) весьма поспешно. Проблема значения титула (и соответствующего перевода) решается в литературе неоднозначно. Сводка мнений по данному вопросу имеется в работе И. Харпур (*Harpur Y. Two Old King Tombs at Giza // JEA. 1981. 67. P. 28–34*), в которой дан обзор всех известных вариантов трактовки данного термина до 1975 г.

⁴⁶ Оба имели титул, стоящий в Большом берлинском словаре под обозначением *rh nswt* с отсылкой на прочтение *irj h nswt* или *irj h niswt* (Wb II. 446; *Junker. Giza II. 3–41*). В данном словосочетании, как и в ряде других титулов, *r* является дефектной графикой нисбы *irj* (*Edel E. Altägyptische Grammatik. 1955. 1964. § 347, 2*). Ссылка А.О. Большакова на Вейля (без указания на соответствующее издание – см. *Большаков. «Одинокий остов гробницы»... С. 209*) переносит нас почти на столетие назад. Однако дискуссия по проблеме интерпретации титула не утихла до настоящего времени. Перечень ссылок на неоднозначные мнения по данному вопросу вряд ли можно уместить на страницу. Замечу, что в ряде специальных словарей, где собраны примеры, относящиеся к Древнему царству, данный термин транслитерируется следующим образом: *iry ht nswt / rh nswt*; см. *Jones D. An Index of Ancient Egyptian Titles, Epithets and Phrases of the Old Kingdom // BAR. 2000. 1. P. 327–328, № 1206; irt jht nsw (spate rht nsw)*, см. *Hannig R. Ägyptische Wörterbuch. I. Altes Reich und Erste Zwischenzeit. Mainz, 2003. S. 169–173.*

⁴⁷ См. *Кормышева Э.Е., Томашевич О.В., Чегодаев М.А. Российская археологическая экспедиция в Гизе. Сезоны 1996–1998. Предварительные результаты // ВДИ. 2000. № 1. С. 160–181.*

нашей экспедицией была исследована мастаба Итети, ранее опубликованная А. Бадави. Тексты в данной гробнице несколько раз исправлялись, что можно увидеть в прорисовке публикации и прочитать в комментарии к изданию⁴⁸. Эти исправления, как оказалось, наносились поверх уже существовавших слов, а иероглифы писались различными цветами. Полевая работа по исследованию надписи *in situ* позволила путем тщательного анализа сохранившихся знаков, знаков, надписанных поверх них и затертого пространства, увидеть следы пропущенного предшествующими исследователями иероглифа⁴⁹ и соответственно прочитать имена тех лиц, которые упоминаются (или оба были похоронены) в гробнице Хафраанха.

Манера критики, демонстрирующая главным образом и прежде всего крайнюю степень раздражительности, доводит А.О. Большакова до достаточно странных утверждений. Так, рецензент (не берусь судить, намеренно или случайно) не называет существующих уже в Словаре иных переводов, например, *shd* «Ausseher» (надзиратель, надсмотрщик) (Wb IV, 11). Английский эквивалент данного перевода – «Inspector» – он мог бы прочитать уже в справочном издании Porter–Moss, пользованию которым учат, кажется, тоже на первом курсе. Там же⁵⁰ А.О. Большаков мог бы увидеть и иное чтение имени владельца гробницы *Rc hcf cnh(w)*, а обратившись к литературе, узнать, что исследователи не однозначно читают это имя. Авторский комментарий к данному вопросу принес бы значительно больше пользы, чем рассуждения по поводу того, как можно было бы перевести *wr mr*⁵¹ или как превращается скипетр *shn* в жезл *hrp*⁵².

⁴⁸ Badawy A. The Tomb of Iteti, Sekhemankh-Ptah and Kaemnofret at Giza. California, 1976. P. 6. Pl. 5. На это обратила внимание И. Харпур (Two King Tombs Old... P. 30), однако проверить данные можно было только на месте. А.О. Большаков, не удосужившись даже внимательно прочитать текст, уличает меня в ошибке («Одинокий остов гробницы»... С. 209), игнорируя тот факт, что речь идет о написании *разных* имен, маркированных различными цветами, от которых сохранились лишь отдельные знаки.

⁴⁹ Следует заметить, что надпись в этой части сохранилась плохо.

⁵⁰ РМ. III. 1. 207–208.

⁵¹ Пользуясь «любимым» выражением рецензента («студенты узнают на 1 курсе»), отмечая, что уровень членения словосочетаний на составные части определяется прежде всего принадлежностью к частям речи. Параграф 48 «Грамматики» А. Гардинера свидетельствует о двух возможных случаях сочетания имени прилагательного по отношению к имени существительному – как сказуемое (соответственно перед) и как определение (после).

⁵² Данное превращение скипетра (= «украшенный жезл», см. Ожегов С.В., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2003. С. 722) совершил сам А.О. Большаков. По поводу вариантов перевода и времени употребления данных слов см. Wb III. 326. 6; Wb. IV. 243. 3. Не вижу оснований менять скипетр *shn*, выделенный как один из критериев датировки Н. Шерпион (*Cherpion N. Mastabas et Hypogées d'ancien Empire. Problème de la datation. Bruxelles. 1989. С. 38*); ученный М. Бод (*Baud M. À propos des critères iconographiques établis par Nadine Cherpion. Les critères de datation stylistiques à l'Ancient Empire. Le Caire, 1998*) и рассмотренный Э. Штелин (*Stahelin. Op. cit. S. 157–160*) на *hrp*. При этом банальное утверждение о том, что датировки Н. Шерпион требуют осторожности (Большаков. «Одинокий остов гробницы»... С. 209), любопытно (поскольку какая же датировка без указания на абсолютную хронологию может без осторожности использоваться!), но не означает, что ими нельзя оперировать. А вот если датировкой сельскохозяйственных сцен, отнесенных А.О. Большаковым к V династии (см. Большаков А.О. Системный анализ староегипетских гробничных комплексов // ВДИ. 1986. № 2), нельзя пользоваться при рассмотрении соответствующих сцен в скальных гробницах (Большаков. «Одинокий остов гробницы»... С. 209), то, как говорится, хорошо, что вовремя предупредили. Справедливое желание рецензента видеть последовательный комментированный материал и соответствующие рисунки, планы и фотографии пока еще, к сожалению, не смогло осуществиться в том объеме, в котором сами авторы хотели бы это видеть.

Весьма огорчительным выглядит отношение рецензента к программе Сешат. Оставляя в стороне удручающую опечатку «демотический»⁵³, большая часть критики к таковой вряд ли относится. Это, в частности, описание поведения К.И. Демича, который, между прочим, программистом не является (эту функцию исполнял другой человек), или ламентации по поводу его отсутствия. Это также якобы имевшее место простое «переименование программы», оценка внутренних (программных) возможностей для дальнейшего развития, данная без соответствующего анализа профессионала. Все это представляет собой не что иное, как авторскую (А.О. Большакова) запись устной традиции, взятой из неизвестного источника. Эта «запись» не отражает реальных событий ни в одной позиции. Изумляет предлагаемая А.О. Большаковым необходимостью ссылки на идею вывода иероглифов на клавиатуру как авторскую. На клавиатуре работают все имеющиеся программы, связанные с передачей редких шрифтов. Последний пример – разработки ряда программ для мероитского языка. Последняя на сегодняшний день учитывает практически все палеографические особенности иероглифических и курсивных знаков. Знаки выведены на клавиатуру, но почему-то никому не приходило в голову запатентовать авторство идеи такого вывода⁵⁴.

Сколь внимательно читает А.О. Большаков критикуемую им литературу, свидетельствует его резкое высказывание по поводу Хора Бехдетского, о котором идет речь в статье С.М. Воробьева⁵⁵. В рассматриваемом отрывке говорилось о соляризации образа Хора, отраженного, в частности, в его иконографии при V династии. А.О. Большаков крайне спешит уличить С.М. Воробьева в ошибке, указывая на существование Хора Бехдетского на гребне царя Джета, где в отличие от памятников фараонов V династии изображен не крылатый солнечный диск, а два сомкнутых крыла птицы⁵⁶.

Проблема идеологии как системы взглядов египетского общества того или иного периода без сомнения сложна, однако термин «идеология» неуместен при трактовке изображений молодого и пожилого человека на рельефе гробницы, речь идет о выяснении семантики композиции⁵⁷. И дело не только в поиске объяснения, что такое фигура старого человека⁵⁸, а в том, что исследованию подлежат два изображения одного и того же человека с одними и теми же подписями к ним, которые расположены при входе в гробницу. Такие фигуры достаточно редки⁵⁹. Полагаю допустимым предположение, что изображение

⁵³ Поздравления с открытиями лучше всего переадресовать рецензенту.

⁵⁴ Ряд пассажей рецензии, касающиеся «неудовлетворенного самолюбия», просто не имеют отношения к делу, равно как и сослагательное «возможно, я бы и промолчал» или «стоило ли писать», что звучит фарисейски. Может быть и правда не стоило, но свершившееся не имеет возвратной формы. «Пошлые высказывания», «журналистика дурного пошиба», «Н.А. Тарасенко не безнадёжен» (*Большаков*. «Одинокий остов гробницы»... С. 207–212) – вот весьма неполный набор словосочетаний рецензента. Воспринимать это серьезно, как представляется, просто невозможно. Не берусь судить о А.О. Большакове, но для себя считаю продолжение дискуссии бесполезным.

⁵⁵ *Воробьев С.М.* К вопросу о значении мифологемы Хора для идеологического обоснования царской власти в Египте в раннегосударственный период // Труды Центра египтологии. Вып. 1. М., 2002. С. 41.

⁵⁶ См. *Gardiner A.H.* // JEA. 1944. 30. Pl. VI, 4.

⁵⁷ Для попыток объяснения призыв А.О. Большакова к элементарной логике с собственными заключениями из нее (*Большаков*. «Одинокий остов гробницы»... С. 208) помочь не может. Обращаться следует к логике построения изобразительной программы культового помещения гробницы.

⁵⁸ *Большаков*. Человек и его Двойник... С. 165; данному вопросу посвящено гораздо больше исследований, чем указано в цитируемой монографии.

⁵⁹ См. *Harpur. Decoration*... P. 54–55.

хозяина гробницы как молодого и старого человека символично и служит своеобразным заглавием изобразительной концепции культового помещения гробницы, выражая изобразительными средствами прожитую жизнь. В подтверждение этому сошлюсь на статуарную композицию из четырех фигур художника Инти-шеду (Гиза, кладбище рабочих некрополя, конец IV династии), показывающую его крупную зрелую фигуру и три его статуи меньшего размера⁶⁰. В композиции бросается в глаза разница иконографии – хозяин гробницы показан в образе и молодой, и зрелой (но не тучной) фигуры. Композиция представляет человека *разных возрастов*, что, как представляется, символизирует его жизнь. Эти изображения передают не только индивидуальные черты, но и концептуальные представления о бытии хозяина гробницы после его смерти, которые пока еще трудно определить более конкретно. Однако, мысль Г. Масперо о рождении Ка, достижении им зрелости и старения вместе с человеком, (которую отвергает А.О. Большаков, предполагая, что таким образом Ка наследует болезни и немощи)⁶¹, представляется достаточно интересной для понимания изображений различных возрастов. И дело не в том, что при этом должно быть портретное сходство. Символика изображения отражала идею. Фигуры вечно молодого хозяина или хозяйки (количественно преобладающие) могли передавать не возраст, а символику возрождения к вечной жизни.

Особым языком древнеегипетского некрополя была, безусловно, архитектура. Ансамбль погребального комплекса относится к языку изображения, имеющего свою функциональную нагрузку как в целом, так и в отдельных составляющих. Непременное желание разделить язык мира богов и язык мира Ка завело, как мне представляется, А.О. Большакова в тупик. Недоумение вызывает его фраза о том, что «...не может быть никаких изображений внутри пирамиды (размещавшиеся там статуи, по всей вероятности, были связаны только с погребальными ритуалами)»⁶². В какую категорию попадает «статуя в пирамиде», понять невозможно. Вместо ряда предостережений, где и кто может совершить ошибку, уместнее было бы следить за собственными формулировками, а также учитывать существующие точки зрения, в том числе и по проблеме локализации мира хозяина гробницы⁶³.

Размер и форма погребальных комплексов различных типов как средства подчеркнуть социальное положение уже неоднократно обсуждались в специальной литературе. Однако планировка периферийных участков столичных некрополей, произведенная заранее⁶⁴, как отражение иерархической социальной структуры общества, представляет интерес для исследований с точки зрения попыток ее объяснения. Безусловно, здесь необходим учет всех факторов, среди которых гробничная инвентарь занимает далеко не последнее место, однако язык плана оказывается достаточно интересен для включения в исследование интересующего нас материала.

⁶⁰ Hawass Z. Hidden Treasures of the Egyptian Museum. One Hundred Masterpieces from the Centennial Exhibition. Cairo–New York, 2001. P. 12.

⁶¹ Большаков. Человек и его Двойник... С. 64, 147. Логика достаточно странная, ведь нигде не сказано, что Двойник состоит из той же органической материи, что и оригинал. А ведь именно ей свойственны болезнь и смерть, уникальная особенность Двойника как раз бессмертие.

⁶² Он же. Изображение и текст... С. 8.

⁶³ Например: Altenmüller. Der Grabherr...

⁶⁴ Помимо работ, указанных рецензентом, о предварительном сооружении гробниц для пока еще анонимных хозяев писали уже первые исследователи Гизы: см. Junker. Giza I. 18; Reisner G.A. A History of the Giza Necropolis. Cambr., 1942. P. 9, 85.

Планировка, форма погребальных сооружений и характер инвентаря участка восточного некрополя, расположенного к востоку от гробницы Хафраанха, позволяет думать, что его застройка предполагала соблюдение иерархической лестницы в мире ином, подчеркнутого распределением мест для погребения тела. Участок изначально планировался уступами, создавая своего рода «иерархическую лестницу», вследствие чего после заносов песка оставалась торчащей подсеченная с трех сторон гробница Хафраанха. Так, в частности, участок, в котором была сделана гробница Хафраанха, как выяснилось в результате произведенных раскопок, был подсечен сверху. В результате обработки ее вертикальной поверхности снизу образовалась большая скальная платформа, располагавшаяся как бы перпендикулярно самой гробнице. На этой скальной платформе были высечены шахты, а над гробницей Хафраанха оказалась плоская поверхность, что было, вполне вероятно, не случайно, а имело намерение имитации мастабы.

В результате многовековых скоплений песка наносы распределились так, что в 1995 г. на холме из-под песка торчала подсеченная сверху часть гробницы. В результате работ по укреплению участка, сверху выступала похожая на «крышу» часть фасада и вход⁶⁵. Большая площадь кругом была занесена плотным слоем песка, не было видно ни единого выступа. Уже сам факт существования одиноко выступающей в гряде песчаного склона части скалы с явно видимым входом представлялся достаточно странным и позволил думать, что около нее должны были находиться и другие погребения.

Раскопки подтвердили это. Участок планировался как бы около гробницы Хафраанха, которая оставалась на вершине своеобразной пирамиды. Целиком сохранилась узкая дорога, ведущая к входу. По обеим сторонам ее симметрично была распланирована остальная часть некрополя, причем высота высеченных участков скалы для комбинированных построек с использованием скалы и сырцового кирпича составлял более 2,5 м. Весь участок планомерно понижался в восточном направлении уступами.

Огромная плотность некрополя, вызванная стремлением египтян оказаться после смерти возможно ближе к фараонам, погребенным в Гизе, привела к многократным перестройкам и переиспользованию гробниц, соответственно достраивавшихся новыми владельцами, захоронения втискивали и на территорию дороги, некогда сделанной для погребальной процессии слуги фараона Хефрена. Скорее всего именно тогда, когда родственники Хафраанха уже не могли заботиться о его поминальных службах, а Итети, ответственный за их обеспечение, уже покоился в мастабе G 7391 на восточном плато Гизы, гробница Хафраанха подверглась варварскому разрушению. В северной части была разрушена некогда прекрасно декорированная стена культового помещения гробницы, содержавшая, судя по остаткам рельефов, болотные сцены. На прорубленном в северном направлении пространстве скалы были сооружены две новые гробницы. В одну из них вел удивительно точно спланированный спуск, имеющий даже черты лестницы, содержавшей подобие крупных пролетов⁶⁶. Данного типа спуск – вещь редкая, форма имеет место как приспособление к узкому пространству, число

⁶⁵ Именно это было названо «одиноким остовом гробницы» (*Кормышева. Ук. соч. С. 10*). Оно повергло А.О. Большакова в столь большое изумление, что он даже вынес это в заголовок своей статьи.

⁶⁶ Этот спуск был назван в моей статье пандусом (см. *Кормышева. Ук. соч. С. 26–27*), что также вызвало неудовольствие А.О. Большакова. По этому поводу можно посоветовать обратиться к толковому словарю, где сказано, что в русском языке слово «пандус» употребляется в значении наклонной плоскости, заменяющей лестницу (см. *Ожегов, Шведова. Толковый словарь... С. 491*).

крупных ступеней-проходов было точно рассчитано для спуска саркофага при минимально предоставляемых естественных возможностях для этого.

Как известно, тексты и изображения появляются в погребальных камерах Древнего царства достаточно поздно. До этого звуки внешнего мира проникали лишь через культовое помещение гробницы. Однако символика нового рождения, как представляется, была передана в погребальной камере Хафраанха особым способом. Саркофаг хозяина был особым способом закреплен, о чем свидетельствуют сохранившиеся врезки для креплений. Между его дном и каменным полом погребальной камеры оставалось свободное пространство, заполненное чистым песком. Нет сомнений, что это было сделано в древности при установке саркофага⁶⁷. В отличие от способа установки прямо на дно погребальной камеры в данном случае, как представляется, акцентирован мифологический аспект. Здесь можно видеть модель первобытного холма, на котором возрождается помещенный в саркофаг умерший, соответственно реализуется, по определению М. Элиаде, миф о вечном возвращении⁶⁸.

«Космос, дом, человеческое тело – является или, по крайней мере, способен стать Вратами высшего порядка, делающими возможным переход в иной мир»⁶⁹. В связи с данным тезисом логично представить себе роль погребальных комплексов как созданной на земле модели потустороннего мира, а именно той его части, где находится умерший.

Обращаясь вновь к поставленному в начале статьи вопросу о необходимости исследования вербального и невербального текста культуры в их взаимосвязи, следует подчеркнуть, что именно надписи к изображениям, как бы лаконичны они ни были, позволяют уточнить, а иногда даже и просто понять смысл изображенного. Как бы безнадежно скучны (!!!) не казались А.О. Большакову попытки описать то или иное действие⁷⁰, от необходимости комплексного анализа надписей к соответствующим изображениям в гробницах не уйти.

Попробуем рассуждать от обратного. Зачем они были нужны, особенно при поголовной неграмотности населения, если в мире Ка все можно было так хорошо и детально изобразить? Факт существования записанного и читаемого текста в гробнице вряд ли нуждается в комментариях, однако вопрос заключается в том, для кого они писались, кто и в какое время их читал, можно ли было обойтись без них, показав положение того или иного человека только средствами искусства (одежда, фигура, аксессуары).

Композиция культового помещения гробницы, где присутствуют надписи, органически вплетенные в контекст, эстетически приспособленные к имеющемуся пространству, как неотъемлемая часть комплекса, говорит о том, что одного изображения было для египтян недостаточно. Чему же служили надписи? Следующие соображения представляются вероятными:

- Необходимость не только названия, но и повторения имени собственного для постоянного воспроизводства культа хозяина гробницы, который в ти-

⁶⁷ Для характеристики места и способа установки саркофага было употреблено слово «ложе», вызвавшее критику Большакова. В данном контексте оно употреблено с целью подчеркнуть отличие от прямоугольного пространства, вырезанного для установки саркофага, которое обычно встречается в погребальных камерах, и отделения его от места, занимаемого скамьей для погребальной утвари. Последнее также имеет место в данном комплексе и зафиксировано, к примеру, в остальных погребальных камерах данной гробницы.

⁶⁸ Элиаде. Миф о вечном возвращении.

⁶⁹ Там же. С. 336.

⁷⁰ Большаков. Изображение и текст... С. 8, 9.

пологическом смысле не что иное, как культ предков, в конечном счете, возводимый к мифическому прапредку, соответственно не существующий без мифа в сознании.

- Конкретизация и индивидуализация культового образа через прочтение титулов, свойственных изображенному.
- Приобщение к царскому культу, а через него и к божественному путем введения иерархической структуры инвокации – бог и царь для Ка хозяина гробницы, снабжение, а соответственно функционирование системы Ка через данное действие.
- Вероятность прочтения не только жертвенных формул, но и иных надписей гробницы в ходе поминальной службы. Последнее, при условии «слышания» умершим произносимого голосом, могло служить своего рода гарантом, заменителем «невидения» и соответственно приводить в движение (= исполнение) не только список продовольствия и необходимых личных вещей, но и все изображенное.

Сказанное выше намеренно выделено из общей композиции изобразительной программы с целью обратить внимание на значение и роль подписей к рельефам, как и вообще на роли надписей в системе гробницы, созданной для Ка. На самом деле, как уже не раз говорилось в данной статье, они составляют органическое единство с изображением, будучи необходимой составной частью системы. Сочленение и органическое единство выступают и в том, и в другом случаях.

Основное назначение создаваемой системы и условий бытия после смерти, равно как и всех ее составляющих – стать частью макрокосмоса, найти свое место в бесконечной вселенной, повторив все возможные черты земного бытия, но уже в ином временном измерении. Количественное преобладание изобразительного или письменного текста, бросающегося в глаза (большее число письменного отображения для мира богов и меньшее для мира Ка частных лиц, если все же условно делить сферы божественного, и сферы гробничных изображений), принципиальной роли не играет. Оно, как уже неоднократно отмечалось в литературе, объясняется возможностью изображения видимого и трудностью или на определенном этапе даже нежеланием изображения невидимого (трансцендентного мира). В исследовании любой составляющей (или единицы) древнеегипетской культуры главное найти баланс, функциональную связь и соотношение всех языков, присутствующих в ней, и адекватно описать их назначение. Лишь этот путь даст равные возможности объективного познания объекта исследования как взглядом извне, так и изнутри.

ON THE SEMANTICS OF ANCIENT EGYPTIAN TOMB (Or Some Reflections about How to Study Egyptology*)

E. Ye. Kormysheva

The author shares her observations about the symbolism of some scenes in private tombs of the Old Kingdom. She argues with A.O. Bolshakov's views on the two languages of culture expressed in his articles published in the VDI, as well as with his other ideas concerning the tomb scenes interpreted as realistic ones.

* The subtitle of the article is connected with the title of O.A. Bolshakov's review published in VDI. 2004. 4. P. 207–212.